

Семантика и синтаксис речевых возвратных глаголов¹

В статье речь пойдет о предложениях с возвратными речевыми глаголами *говориться, рассказываться, упоминаться, сообщаться, называться* и др. (*В книге/ в работе/на канале/на сайте/ в наше время много **говорится** о противодействии коррупции*). Основное внимание будет уделено форме 3-го лица *говорится (говорилось)*, которая интересна, во-первых, тем, что может выступать как в позиции основного сказуемого, так и в позиции вводного слова или компонента вводного предложения (см. об этом [Шмелева 1987; 2004], и, во-вторых, тем, что соединяет проблему интерпретации возвратного глагола с проблемой синтаксических нулей (о классификации синтаксических нулей см [Онипенко]

В зависимости от синтаксической конструкции речевые возвратные глаголы в форме 3-го лица единственного числа, соотносительной с формой среднего рода в прошедшем времени, интерпретируются и как классический личный пассив, и как безличный пассив [Летучий 2011]. Выбор термина оказывается обусловлен возможностью/невозможностью агентивного субъекта в творит. пад. и направлением синтаксической деривации: для одних исходной конструкцией признается двусоставное личное предложение, для других – неопределенно-личное. Соотношение между возвратным глаголом и неопределенно-личной формой оказывается тестом для определения семантики возвратного глагола. Так, в работе [Бондарко, Буланин 1967: 179] этот прием использовался для интерпретации следующего примера «Партия, в которой шла Маслова, отправлялась с вокзала в три часа» (Л.Н. Толстой, Воскресенье). Авторы пишут: «При соотнесении этого оборота с неопределенно-личным (п а р т и ю о т п р а

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00263 «Семантико-грамматический словарь русских глаголов».

в л я л и) форму *отправлялась* можно определить как форму страдательного залога. Однако более естественно ее воспринимать как форму действительного залога». В то же время авторы указали на то, что залоговая форма может прочитываться неоднозначно и в этом случае «мы имеем дело с нейтрализацией залогового противопоставления».

Обращает на себя внимание тот факт, что предложения с возвратными глаголами обычно рассматриваются без учета семантического разряда глагола и без внимания к особенностям текста. Текстовый анализ предложений с возвратными глаголами показывает зависимость между интерпретацией нулевого агентивного компонента и типом наррации (точкой зрения говорящего), а также жанром и стилем [Никитина 2005].

В настоящей статье семантико-синтаксический анализ соединяется с текстовым, что соответствует методологии лингвистических исследований, принятой в рамках концепции коммуникативной грамматики [Золотова, Онипенко, Сидорова (1998) 2004]. Соединение двух подходов позволяет уточнить синтаксическую характеристику предложений с возвратными речевыми глаголами с точки зрения грамматики объяснительной и аргументированно ответить на вопрос, что считать исходной (прямой) диатезой (изосемической конструкцией) для пассивных конструкций с речевыми глаголами.

Материалом для наблюдений послужили художественные и публицистические тексты Ф.М. Достоевского, в которых есть лично окрашенное Я субъекта речи (субъективированный повествователь или рассказчик, собирающий слухи, а также сам Достоевский, излагающий взгляды других людей или передающий общественное мнение), научные тексты, в которых интересующие нас глаголы являются средством отсылки к чужой работе и чужому мнению. Примеры функционирования речевых возвратных глаголов в составе вводных предложений были собраны с использованием ресурса НКРЯ.

Общепризнанным в лингвистике является особое отношение Ф.М. Достоевского к категории неопределенности [Арутюнова 1999: 793-869], в том числе в сфере модуса. Одним из средств выражения неопределенности является синтаксический нуль при неопределенно-личных формах. Во вводной позиции, непосредственно связанной с Я рассказчика используется и неопределенно-личная, и возвратная формы:

- *Федор Павлович узнал о смерти своей супруги пьяный; **говорят**, побежал по улице и начал кричать, в радости воздевая руки к небу: «Ныне отпускаеши», а по другим — плакал навзрыд как маленький ребенок, и до того, что, **говорят**, жалко даже было смотреть на него, несмотря на все к нему отвращение.* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)];

- *Это был хорошо одетый господин, очевидно у лучшего портного как **говорится**, «по-барски», а между тем всего менее в нем имелось барского, и, кажется, несмотря на значительное желание иметь.* [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)].

Соотношение возвратного глагола с неопределенно-личной дает основания для решения вопроса об исходной диатезе: исходной диатезой для предложений с речевыми глаголами в пассивном залоге признается предложение с неопределенно-личной формой глагола и нулевым агенсом, в традиционной терминологии – односоставное неопределенно-личное (см. об этом в [Мельчук 1998; Плунгян 2011: 263; Никитина 2010]). И действительно, во многих контекстах это подтверждается синонимической заменой пассивной конструкции неопределенно-личной:

- *Знали, что явятся две женщины-соперницы. Одна из них, то есть Катерина Ивановна, особенно всех интересовала; про нее **рассказывалось** чрезвычайно много необыкновенного, про ее страсть к Мите, несмотря даже на его преступление, рассказывались удивительные анекдоты. Особенно **упоминалось** об ее гордости (она почти никому в нашем городе не сделала визитов), об "аристократических связях". Говорили, что она намерена просить*

правительство, чтоб ей позволили сопровождать преступника на каторгу и обвенчаться с ним где-нибудь в рудниках под землей. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)] = рассказывали, упоминали;

- *Мало-помалу и распространившиеся было по городу слухи успели покрыться мраком неизвестности. Рассказывалось, правда, о каком-то князьке и дурачке (никто не мог назвать верно имени), получившем вдруг огромное наследство...* [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)] = рассказывали;

- *Ходило несколько анекдотов и о нашем прокуроре и о председателе суда. Рассказывалось, что наш прокурор трепетал встречи с Фетюковичем, что это были старинные враги еще с Петербурга....*

[Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)] = рассказывали;

В этих примерах из произведений Ф.М. Достоевского интересующие нас глаголы оказываются востребованными в связи с особенностями наррации и типом нарратора – повествователем (или героем-рассказчиком), собирающим и передающим слухи, обсуждающим светские интриги, чужие разговоры и мнения. Слухи связаны с неопределенно-личным множественным субъектом речи, что оказывается семантическим условием для установления соотносительности между конструкциями с возвратным глаголом и конструкциями с неопределенно-личной формой переходного глагола:

- *Впрочем, уже **рассказывалось** о всем генеральском семействе: стало известно, что генерал вчера сходил с ума и плакал на весь отель. Рассказывали при этом, что приезжавшая бабушка была его мать, которая затем нарочно и появилась из самой России, чтоб воспретить своему сыну брак с *mademoiselle de Cominges*...* (Ф.М. Достоевский, Игрок)

Нулевой агенс в обеих конструкциях – компонент, который обнаруживает отношение говорящего (автора данного высказывания) к тем субъектам, чье мнение и/или слова он передает: говорящий оказывается включенным или приближенным к носителям и выразителям общего

мнения (знания, интереса) потому, что принадлежит этой среде, этому коллективному субъекту сознания и речи. Для подобных контекстов возможна синонимическая замена пассивного залога неопределенно-личной формой. См., например, фрагмент о девицах Епанчиных из романа «Идиот»:

*... они замечательно любили друг друга и одна другую поддерживали. Упоминалось даже о каких-то будто бы пожертвованиях двух старших в пользу общего домашнего идола – младшей. <...> Никто не мог их упрекнуть в высокомерии и заносчивости, а между тем **знали**, что они горды и цену себе понимают. <...> Одним словом, про них **говорилось** чрезвычайно много похвального. Но были и недоброжелатели. С ужасом **говорилось** о том, сколько книг они прочитали. Возвратные глаголы в этом фрагменте соседствуют с неопределенно-личной формой **знали**.*

Источником знания для рассказчика оказываются люди его круга, светское общество, т.е. неопределенно-личный субъект, который может быть ограничен (*в народе, в свете, в творческих кругах, в семье*):

*...о Гавриле Ардалионовиче в доме **Епанчиных** никогда даже и не упоминалось* (Достоевский, Идиот);

*Вчерашний день у нас много **говорилось** о телеграмме, пущенной еще четыре дня назад в Петербург и на которую не было ответа.*

[Ф.М. Достоевский. Игрок (1866)].

Таким же неопределенно-обобщенным является невыраженный субъект в предложениях с дистрибутивно-локативной синтаксемой По+Дат.п. множ.числа:

*Конечно, все это **говорилось по углам**, а не в глаза мужчиной и жениной родне.* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)];

*— Слышь, товарищи, — **говорилось по землянкам**, — Воронков сказывал, что, когда, значит, народ решился сам захватить власть в свои руки и солдаты пошли к Думе, офицеры не пошли с ними.* [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 2) (1922)] = говорили.

Слухи выражаются не только неопределенно-личной конструкцией, но и предложениями с неопределенными местоимениями:

*О Смердякове у нас уже **поговаривали** еще до суда, кто-то что-то слышал, кто-то на что-то указывал, **говорили** про Алешу, что он накопил какие-то чрезвычайные доказательства в пользу брата и в виновности лакея, и вот — ничего, никаких доказательств, кроме каких-то нравственных убеждений, столь естественных в его качестве родного брата подсудимого. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)].*

В этом примере употреблен глагол *поговаривать*, особенность которого состоит в том, что его лексическая семантика связана с неопределенно-личным субъектом-носителем слухов. Это отражается на том, как использует морфологическая парадигма этого глагола: из 1365 употреблений (по НКРЯ) 921 – это формы 3-го множ.числа (наст. и прош. времени), 134 – составные сказуемые с тем же личным значением (*стали поговаривать*), на остальные же личные формы, а также на причастия и деепричастия приходится чуть более 200 употреблений. В отличие от других речевых глаголов, глагол *поговаривать* ограничен в возможностях соединения с постфиксом –ся: формы *поговаривалось/поговаривается* в ресурсе НКРЯ не отмечена, но в Интернете мы находим следующие примеры:

*«Не хочешь спать — айда кофий хлебать!» — **поговаривалось** в русской народной поговорке; Шепотком **поговаривалось**, что тот, загремев в ежовщину, успел вдоволь нахлебаться лагерной баланды... (В. Максимов, Ковчег для незваных); Кстати, когда Юрий Раков был на посту руководителя инспекции госстройнадзора по Воронежской области, **поговаривалось** о его связях в Поворино; Вокруг него ходили неясные слухи. **Поговаривалось**, например, что его приняли в институт только из-за отца... **Поговаривалось** и о том, что его мамаша приезжала в Москву перед приемными экзаменами; **Поговаривается**, что там сейчас все почистили и вообще красота стала!*

Но возвратимся к текстам Ф.М. Достоевского. Вот пример из «Дневника писателя»:

Этих четырех, сколько припомню, всего более уважал тогда Белинский. Фурье уже далеко не так уважался. Об них толковалось у него по целым вечерам. Был тоже один немец, перед которым тогда он очень склонялся, - Фейербах. О Штраусе говорилось с благоговением. Достоевский вспоминает Белинского и его отношение к философам. В этих контекстах возвратные глаголы уже не могут быть заменены неопределенно-личной формой. Замена возвратного глагола неопределенно-личной формой становится невозможной в том случае, если нулевой агентивный компонент читается анафорически, в связи с конкретным субъектом речи, известным из предшествующего текста; см. пример: *Правда, много говорилось о любви, о любви гения к какой-то особе, но, признаюсь, это вышло несколько неловко. К небольшой толстенькой фигурке гениального писателя как-то не шло бы рассказывать, на мой взгляд, о своем первом поцелуе...* [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]. Глагол *говорилось* в этом фрагменте нельзя заменить формой *говорили*, поскольку речь идет о поэме Кармазинова, которую он читал на литературном собрании со сцены. Это значит, что интересующую нас конструкцию нельзя соотнести с неопределенно-личной, так как она допускает подстановку творительного падежа с агентивной семантикой, например, «говорилось Кармазиновым». Незаполненные синтаксические позиции связывают данное предложение с контекстом, т.е. синтаксические нули читаются анафорически. А в этом случае придется признать, что исходной диатезой является предложение с эксплицитным агенсом и согласуемой формой переходного глагола: *Кармазинов много говорил о любви...* См. аналогичные примеры с эксплицитным творительным при пассивном залоге речевого глагола:

Марья Александровна удесятирилась в эту минуту, видела всё, что происходило в каждом углу комнаты, слышала, что говорилось каждой из посетительниц, хотя их было до десяти.

[Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон (1858-1859)];

... об исчезновении его **узналось начальством** лишь только на другой день к вечеру... (Ф.М. Достоевский, Бесы).

Если в предложении о поэме Кармазинова восстанавливать не агентивный компонент, а предложно-падежную форму со значением «письменный текст» («говорилось в поэме Кармазинова»), то исходной диатезой также оказывается предложение с определенно-личным значением, поскольку текст принадлежит конкретному человеку; см. пример из романа «Бесы»:

*Узнали, что Кириллов жил затворником и до того уединенно, что с ним вместе, как **объявлялось в записке**, мог квартировать столько дней Федька, которого везде так искали...*

Записка принадлежала Кириллову. Он, начиная писать свою предсмертную записку, говорил «Я, Алексей Кириллов, **объявляю...**» – *Стой! Не хочу! Кому объявляю?»*. Следовательно, исходной диатезой для пассивной конструкции здесь следует признать не вариант «В записке объявляли, что...», а «Кириллов объявлял в записке, что...».

Ср. аналогичные предложения из современных СМИ о содержании, например, Послания Президента РФ:

*В Послании Президента РФ Федеральному Собранию на 2001 г., в частности, **говорилось**:.... [Павел Иванов. Ключ к правовой экономике. Популярная хроника непопулярного закона // «Воздушно-космическая оборона», 2003]; **Много в послании говорилось** о конкуренции не только в области экономики, но и образования, медицины, культуры, что совпадает со всеми мировыми теориями развития стран. [Михаил Полусмак. Здесь нет подводных камней // «Владивосток», 2003.09.29]. = *Президент в своем послании говорил/говорит.**

Такая синтаксическая конструкция сближается по семантике и по структуре с бытийным предложением: *В письме сообщалось о фактах* = *В*

письме были факты; В послании говорилось о конкуренции = В послании речь шла о конкуренции = В послании был раздел о конкуренции...

При этом возможна и диатеза с переходным неациональным глаголом:

*Письмо **содержало** в себе признание в любви: оно было нежно, почтительно и слово в слово взято из немецкого романа. [А.С. Пушкин. Пиковая дама (1833)];*

*Это письмо **содержало** официальное приглашение приехать в Москву, чтобы присоединиться к русским коллегам в их исследовательской работе... [Д.С. Данин. Нильс Бор (1969-1975)];*

Но если документ отвлечен от имени конкретного автора, имеет прескриптивную силу, то пассивная конструкция с локативно-субъектной семантикой (*в законе, в конституции, в инструкции говорится*) оказывается соотнесенной с такой конструкцией, в которой в именительном падеже стоит существительное со значением документа (*закон говорит, требует, предписывает...*) и в которой нет места для личного субъекта; см. примеры из стихотворений И. Бродского:

*Вот почему в конституции отсутствует слово "дождь". / В ней вообще **ни разу** не говорится ни о барометре, ни о тех... = Конституция ничего не говорит о барометре;*

Сатир, покинув бронзовый ручей,/ сжимает канделябр на шесть свечей,/ как вещь, принадлежащую ему./ Но, как сурово утверждает опись, / он сам принадлежит ему. = В описи утверждается, что сатир принадлежит канделябру.

Письменный текст может быть представлен метонимически, формой У + Род.п., называющей автора: *у Толстого, у Достоевского, у Виноградова:*

***У Оккама** говорится о нем не просто как об интенции, а как об «интенции души» [С.С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел III. Спор об универсалиях (2006)];*

*А Венанций сказал, что даже у **Аристотеля** говорится о шутках и словесных играх как о средствах наилучшего познания истин и что,*

следовательно, смех не может быть дурным делом, если способствует откровению истин [Ю.М. Лотман. Выход из лабиринта (1989)];

У Твардовского говорится по этому поводу: Есть сигнал: вперед!..

— *Вперед.* [Владимир Березин. О Твардовском // «Новый Мир», 1996].

Подобные конструкции характерны для научных обзорно-аналитических, науковедческих, интерпретационных текстов, в которых автор смотрит на интерпретируемый текст с точки зрения читателя (*У Толстого говорится... = У Толстого читаем, находим, видим*). Такое употребление пассивных форм речевого глагола предполагает соотносительность с конструкцией, в которой именительный падеж принадлежит агентивному субъекту (*У Толстого говорится о ... = Толстой говорит о...*). Примеры:

Самое важное у Достоевского говорится как бы вскользь и как-то даже иногда не говорится; У Достоевского говорится о десяти заповедях; В одном месте у Достоевского говорится «о каторжных годах моей жизни»; Если у Тургенева психологический анализ направлен в сферу «я» героини, то у Чехова говорится о женской психологии в целом (Интернет-ресурс).

Таким образом, вопрос об исходной диатезе для предложений с глаголом *говорится/говорилось* не может решаться без учета текстового окружения. Признание единственной исходной диатезой для всех перечисленных случаев односоставного предложения с неопределенно-личной формой *говорили* было бы неправильным. Еще одним аргументом в пользу дифференцированного подхода к решению этой проблемы является употребление пассивных конструкций в метатекстовой функции: в этом случае речевые глаголы соединяются с анафорическими наречиями *выше, ранее, уже, ниже* (*выше говорилось, что...*). Подобные предложения являются средствами связности в тексте одного автора, а значит, они не могут быть замечены неопределенно-личной формой; см. об этом в [Булыгина, Шмелев 1997: 345]. Вот пример из лирического текста, в котором

интересующая нас конструкция в роли вводного предложения, выполняет метатекстовую функцию, а значит, соотносится с Я лирического героя: *...извиваясь ночью на простыне – как не сказано ниже по крайней мере – я взбиваю подушку мычащим "ты"* (Бродский, Ниоткуда с любовью).

В парентетической (вводной) позиции употребляется и *как говорится*, и *как говорят*. При обращении к ресурсу основного корпуса НКРЯ обнаруживаем большую частотность вводной конструкции с возвратным глаголом (5048 вхождений для *как говорится* и 1753 для *как говорят*). Для вводной конструкции с распространением (*как говорится в Евангелии; на собраниях, среди мужиков и как говорят военные, как говорят у нас в бараке*) обратная ситуация: частотнее форма третьего лица множественного числа (2647 вхождений к 962; из них 122 – *как говорится в...*); при этом количество употреблений вводных конструкций с невозвратным глаголом в двусоставной конструкции (*как говорят французы/военные/физики – 1978 вхождений*) примерно в три раза превышает количество односоставных неопределенно-личных конструкций (*как говорят в народе/ в Америке/ про такие предметы/ на Привозе/ у нас в Одессе – 665 вхождений, из них 192 – как говорят в...*). Вводные конструкции с формами прошедшего времени (с распространением и без распространения) обнаруживают следующее соотношение: *как говорили* – 1392, *как говорилось* – 244. Эти цифры свидетельствуют о том, что вводная позиция используется, прежде всего, для эгоцентрических средств, соединяющих говорящего с обобщенно-личным субъектом речи, которому принадлежат употребленные говорящим фразеологизмы, пословицы, «крылатые слова» (*как говорится – так говорят все, многие, и я в том числе*).

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на

материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997, 574 с.

Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2004. 528 с.

Летучий А.Б. Возвратность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2014.

Никитина Е.Н. Внешняя точка зрения и возвратная форма глагола в высказывании и в тексте //Текст. Структура и семантика: Доклады X Юбилейной конференции. Т.2. М.: МГОПУ, 2005. С.249-256

Никитина Е.Н. Неопределенно-личность и страдательность: функциональные различия и тождества // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XIII. / Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М.: МГУ, 2010. С. 291 – 302.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Морфологические значения. Москва - Вена: Языки русской культуры, 1998. 320 с.

Онипенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств. // Проблема функциональной грамматики: Естественная классификация. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 92-121.

Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания, 2003, № 4. С. 43-71.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учебное пособие. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Шмелева Т.В. «Так сказать» и «как говорится» // Служебные слова. Межвуз.сб.научн.тр. Новосибирск: НГУ, 1987. С. 125-132

Шмелева Т.В. Тривиальность (речеведческий сюжет) //
Лингвистический ежегодник Сибири / под ред. Т. М. Григорьевой; Краснояр.
гос. ун-т. Красноярск, 2004. Вып. 6. С. 115-122